

Едва за морозной ночной тишиной начинала словно узоры на замерзшей в каменных бочках воде проявляться утренняя серость, лавки в торговом квартале столицы оживали. На улицах появлялись сонные служащие, кто-то неспешно протирал от следов влажного тумана уличные столики чайной, кто-то на прилавки выносил нехитрые товары. От лавок с едой до самого хмурого неба поднимался ароматный дым.

В это время из задней двери лавки благовоний показалась облаченная в простое платье Яньлинь и, вдохнув холодный воздух, с удовольствием потянулась. Ей нужно было с утра привести лавку в порядок, принести воды, открыть двери и окна, чтобы покупатели видели, что лавка готова принять гостей. Все это девушка проделывала каждый день, потому привычной дорогой с заднего двора лавки поспешила к передней двери по узкой улочке меж домов. Из-за стены соседнего двора сюда свешивало свои ветки персиковое дерево и, проходя под ним, Яньлинь чуть подпрыгнула, игриво задевая голые прутья кончиками пальцев. Ростом она была высока, но только на это ее легкого прыжка и хватило.

Настроение девушки было хорошим, а грядущий день грозил быть спокойным и тихим — однако, подойдя к дверям лавки, служанка вдруг заметила лист бумаги, оставленный рядом и придавленный небольшим камнем. Яньлинь огляделась: ее хозяйку многие не любили, потому частенько под порогом оставляли записки с руганью, клеветой и угрозами — Яньлинь обычно разрывала их и не показывала госпоже Ван.

Эта записка же с первого взгляда в душе девушки поселила необычное, трепетное чувство, будто все было не так просто. Оглядевшись, словно можно было еще увидеть удаляющуюся спину подбросившего записку человека, Яньлинь опасливо оправила юбку и опустилась рядом с порогом на корточки, аккуратно взяв лист. Из него на порог с тихим стуком выпал небольшой нефритовый жетон молочного цвета, на котором искусно вырезанный феникс взмывал в небо. Девушка была обучена грамоте, потому, развернув плотную бумагу, смогла прочитывать выведенные простым, но красивым почерком иероглифы, сложив их в неожиданный смысл:

«Этого дня буду ждать тебя вечером у западных городских ворот. Это важно».

И два иероглифа в нижней части листа: «Мин Цзе».

Яньлинь, едва увидев их, почувствовала, словно все ее кости в один миг неприязненно заныли, и ощутила малодушное желание скомкать лист и выбросить его подальше — но тут же сама себя остановила. Внимание молодого господина Мина для нее давно лишилось и всяческой приязни, и даже страха — теперь упоминание его девушку просто раздражало. Много раз Яньлинь говорила уже настойчивому молодому человеку, что не желает знаться с ним, просила о помощи госпожу Ван, и даже невольно вмешала в свои дела молодого господина Фэна — но этот чиновник совершенно не понимал человеческих слов! Будь его положение хуже, Яньлинь давно обругала бы его прилюдно с головы до ног, настрого запретив приближаться к благовонной лавке — сейчас же не могла даже выбросить его письмо, опасаясь, как бы кто не наблюдал за ней тайно и ее дерзость не обернулась бы потом проблемами.

Сзади неожиданно раздались шаги и Яньлинь тут же спрятала записку за пазуху.

— Ну, чего ты тут? — позевывая, спросила другая служанка, вышедшая проверить, с чем Яньлинь возится. Та поднялась и отряхнула подол, пряча глаза.

— Ничего, — соврала Яньлинь, судорожно думая, как должна поступить теперь. — Хозяйка уже проснулась?

— Да, Цзя-эр понес ей завтрак, — ответила девушка, не заметив скованности в чертах лица подруги. Тут же она приглушила голос и поделилась: — Цзя-эр сказал, что сегодня хозяйка вновь грустная: наверное из-за всех этих дел с убийством. Подумать только, лавка едва-едва решила дела с последним недоброжелателем — и снова напасть! Отчего же хозяйке все эти испытания?

— В самом деле, — задумчиво пробормотала Яньлинь. Только найдя записку, первым делом она хотела бежать к госпоже Ван, чтобы просить ее вновь заступиться — но теперь Яньлинь медлила. Она не решилась бы открыто перечить Мин Цзе сама, опасаясь Третьего принца, но вдруг подумала, что из-за нее это придется делать госпоже Ван, у которой и так достаточно забот. Яньлинь в детстве бродяжничала по окрестностям столицы и лишь счастливым стечением обстоятельств встретила госпожу Ван, которая дала ей работу и дом — могла ли за доброту теперь девушка платить новыми и новыми проблемами?

Приняв решение, Яньлинь потянула за рукав подругу.

— Мне нужно сбежать по делам, — сказала она твердо. — Я скоро вернуть, но госпоже Ван об этом знать не нужно, она только волноваться будет. Прикроешь меня?

— Конечно, — кивнула служанка и лишь после поинтересовалась: — А зачем?..

Но Яньлинь уже не слушала: сжав в руках записку и жетон, она поспешила в сторону поместья Фэн.

Через какое-то время о неожиданном утреннем визите сообщили господину Ли. Сам он проснулся еще засветло, а вот угрюмо вчитывающегося в его записи Юань Яо подняли не так давно. Учителя Юаня силой этим утром вытянули из постели за несколько часов до того, как должны были начаться занятия, и, не слушая возражений, принудили учить. В самом деле, страну ждало бы процветание в тысячу лет, если б каждый придворный чиновник в учебе был так же усерден, как господин Ли!..

Учитель Юань, в сонной оторопи пытаясь держать открытыми глаза, не слышал, как тот самый примерный ученик за его спиной говорил Фэнци:

— Служанка из благовонной лавки? Она с поручением от госпожи Ван?

— Не говорит, сказала, что передаст молодому господину Фэну лично, — махнув головой, отвечала девушка. Ли Инчунь приподнял брови.

— На улицах должно быть известно и о наказании, и о болезни молодого господина... Хорошо, веди ее сюда. Только прежде не говори, куда ведешь: скажи, что к молодому господину.

Фэнци, которой упорство Яньлинь встало словно рыбья кость поперек горла, кивнула и, взмахнув подолом креповой юбки, побежала исполнять. Очень скоро во внешние покои она привела одетую скромно, но добротно девушку, что-то взволнованно мнущую в руках. Было видно, что прежде Яньлинь не бывала в богатых домах, и на все глядела с удивлением, но старалась держать себя в руках и лишнего смущения не показывать. Глаза ее только с доброй завистью задержались на воротнике Фэнци из теплого барсучьего меха, который она последние дни всюду носила.

Увидев, что в комнате лишь господин Ли, которого Яньлинь прежде видела только издали, и еще один незнакомый человек в одеждах ученого, девушка заробела и застыла у порога. Брови ее, тонкие, как лезвия клинков, сурово сдвинулись.

— Ты же сказала, что отведешь меня к молодому господину Фэну, — сказала Яньлинь, глядя на Фэнцзи. — Мне нужен только он!

— Уверен, молодому господину такое внимание польстило бы, — опираясь на трость, господин Ли прошел к креслу и неспешно опустился в него. Взгляд его был спокоен, но суров, отчего Яньлинь почувствовала себя еще хуже. Неужели она сплеховала, решив прийти сюда, и теперь вместо защиты ее ждут только палки? — Итак, — между тем сказал господин Ли и неожиданно опустил взгляд к рукам девушки, где она прятала жетон и записку. — Что у тебя?

— Н-ничего! — отозвалась Яньлинь, крепче сжимая руки. Тут же она собралась с духом, нахмурилась и повторила. — Я пришла к молодому господину Фэну, пожалуйста, позовите его!

— Что ты думаешь о себе, что наш господин по одному зову бежать должен? — возмутилась Фэнцзи. — Радуйся, что тебя за порог пустили!

— Наш молодой господин тяжело болен и не встает с постели, — укоряюще посмотрев на служанку, сказал Ли Инчунь. — Он не сможет принять тебя, но пока я занимаюсь всеми его делами. Тебя прислала госпожа Ван, или ты пришла по своей воле? — господин Ли мгновение помолчал, а после спросил снова: — Это связано с Мин Цзе?

— Как вы узнали? — поразились Яньлинь, вмиг теряя старательно собранную суровость.

— Угадал, а ты подтвердила, — пожал Ли Инчунь плечами. Тут из внутренних комнат показался Юань Яо:

— Инчунь, чего там у тебя? Запугиваешь кого-то?

— Я никогда никого не запугиваю, — предпочел за правильное отозваться господин Ли и тут же повысил голос: — Учитель Юань, вы проверили мое сочинение? Проверяйте, пожалуйста. Если разговоры вам мешают, то можете выйти на веранду и закончить там.

Нынешний день занимался солнечным, оттого еще больнее кусался обосновавшийся в углах под скатами крыш и порогами мороз — Юань Яо совсем не хотел покидать натопленные покои. Насупившись, он вновь вернулся к работе.

— Итак, барышня, — вновь поглядев на Яньлинь, сказал Ли Инчунь. — Чтобы мы могли помочь вам, вам следует рассказать, что произошло. Это ведь что-то, чем вы не желаете тревожить свою госпожу, а оттого пришли просить защиты нашего молодого господина?

Яньлинь поджала губы, мгновение размышляла, а затем призналась:

— Да, — раскрыв ладони, девушка протянула записку и жетон. Фэнцзи тут же взяла их и принесла господину Ли, который принялся рассматривать предметы без всякого выражения. — Этим утром я нашла это на пороге благовонной лавки. Знаете, я всегда отпираю двери, потому была первой, кто это увидела. В записке сказано, что я непременно должна явиться к господину Мину, но я на самом деле... — Яньлинь смутилась, но все же, сглотнув смущение, продолжила: — Я говорила ему уже много раз, что никаких дел с ним иметь не хочу, но он все не унимается. В прошлый раз господин Фэн оказал мне милость и заступился, потому я подумала, что и в этот раз, быть может...

— Много о себе думаешь, — фыркнула Фэнцзи, но достаточно громко, чтобы девушка ее услышала. Когда Яньлинь подняла на служанку негодующий взгляд, Фэнцзи, не скрываясь, продолжила: — Один раз наш молодой господин заступился за тебя, потому как по характеру

добр и не может видеть людские страдания, но какую наглость надо иметь, чтобы заявиться к нему в дом еще раз? Иные люди в самом деле получив цунь требует несколько десятков!..

— Хорошо, что ты пришла, — вглядываясь в записку, сказал господин Ли. Лицо его было серьезным, а голос не таил в себе и намек на шутку. Подняв взгляд на Яньлинь, он сказал: — Пока ступай в лавку, позже я пришлю к тебе человека и расскажу, как нужно будет поступить. Главное никому не говори пока о записке и о том, что куда-то пойдешь вечером.

— Эта служанка хотела... — начала было Яньлинь, но господин Ли жестом остановил ее и лишь добавил:

— Иди. Будет нехорошо, если кто-то заметит, что тебя долго нет.

Это в самом деле было так и, поджав губы, Яньлинь вскоре торопливо ушла. В душе ее жило сомнение от того, что она доверилась человеку, которого видела лишь несколько раз, но в то же время девушка верила, что в поместье Фэн ее не обманут.

Ли Инчунь тем временем, не обращая внимания на Юань Яо, который хотел начать занятие, подозвал к себе даоса Чжунчу. Тот подошел и склонился к юноше, выглядя небывало серьезным. Господин Ли не удержался от вопроса:

— Что с тобой?

— Дело, кажется, непростое, — отозвался Чжунчу Чэн. — Когда молодой господин Фэн помог Яньлинь, я был рядом и помню, как молодой господин за нее переживал. Вы, господин Ли, ей, конечно же, тоже поможете, но вам в таком случае придется вступить в конфликт со своим бывшим другом — разве это не требующая ужасной серьезности ситуация?

Ли Инчунь едва удержался от того, чтобы не ударить находчивого даоса тростью. Чжунчу Чэн был наблюдательным и сообразительным, господин Ли мог понять, почему его учитель за такого человека поручился — но в то же время невероятно часто из понятных вопросов он умудрялся делать неверные выводы. В самом деле становилось жаль Пятого принца, которому со своими шидами часто полагалось часто иметь дело.

Не пытаясь разубедить Чжунчу Чэна в его невероятных выводах, Ли Инчунь сказал:

— Ступай к Мин Цзе и расскажи ему о случившемся. Спроси, не терял ли он нефритового жетона в фениксом в последние дни, но про Яньлинь много не рассказывай.

— Думаете, записку отправил не он? — удивился даос Чжунчу.

— Раньше он всегда приходил к Яньлинь сам, однажды даже осмелился приехать на повозке Третьего принца — зачем ему теперь писать записки и оставлять свою памятную вещь?

— Ну... — Чжунчу Чэн задумался и понизил голос: — Если он зовет ее на встречу подальше от чужих глаз, то наверняка хочет уснуть этой ночью в цветах...

— Думай, что говоришь! — возмутилась Фэнцзи и щеки ее заалели. Для молодой девушки, воспитывающейся в конфуцианской строгости, такие темы, конечно, были неприемлемы. Чжунчу Чэн вжал голову в плечи, но от слов своих не отказался:

— Ну а что еще?

— Верно размышляешь, — между тем сказал господин Ли. — Если бы они в самом деле были близки, то в этом предложении не было бы ничего странного. Ну все, ступай, — Ли Инчунь взмахнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. — И постарайся лишний раз никому не попадаться на глаза.

У Чжунчу Чэна остались вопросы, но он повиновался и покинул Сад камелий. У ворот поместья Фэн он встретил Пятого принца, и коротко пересказал ему произошедшее утром. Даос Чжунчу ожидал, что шисюн, как и всегда, легко рассмеется или пошутит на грани приличия — но Пятый принц вдруг стал небывало серьезен и, нахмурившись, поспешил в Сад камелий.

Впрочем, по дороге красивое его лицо вновь приняло беззаботное выражение и, войдя в Сад камелий, он деланно громким голосом сказал:

— Молодой господин Фэн это место почитал обителью праведности и даже учителя пригласил, чтобы постигать законы неба и земли, а вышло вот как! С раннего утра к господину Ли вереницами тянутся молодые девушки!

Подняв взгляд от записей, Ли Инчунь смерил Пятого принца взглядом и кивнул:

— А вот прибыла и самая прелестная из них. Лицо, однако, так перекошено, словно вместо воды красавица утром выпила уксуса.

Юань Яо, который сидел рядом и невольно слушал, как бесстыдно поносят Пятого принца, побледнел. Фу Ичжэнь, однако, улыбнулся лишь шире, и поглядел на учителя:

— Оставьте нас, нам с господином Ли надо переговорить.

— Если будешь устраивать сцены ревности, но закрой прежде все двери и окна: не хочу, чтобы нас кто-то слышал, — без всякого выражения сказал Ли Инчунь, пока Юань Яо спешно покидал комнату. С особами императорских кровей он не был пока так же близок, как господин Ли, потому предпочитал Пятого принца слушаться и уважать.

Тот же опустился на освободившееся место и лицо его лишилось радостного выражения:

— Значит, записка для Яньлинь?

— Я отправил Чжунчу Чэна к Мин Цзе — впрочем, он и сам, должно быть, уже рассказал Вашему Высочеству, — вместо ответа сказал господин Ли. В руках у него все еще были вещи, принесенные Яньлинь: записку он отдал Фу Ичжэню, а жетон принялся крутить меж тонких пальцев.

— Думаешь, это написал не он? — спросил Пятый принц, отложив лист. — Он давно бежит за девушкой, вполне в его духе.

— Может быть, — не стал спорить господин Ли. — Однако как удобно выходит: недавнее убийство связано с благовонной лавкой, Яньлинь работает там, а Мин Цзе, о чей сердечной привязанности известно каждой собаке, состоит в ставке Третьего принца. Кажется мне, слишком уж тут много удачных совпадений.

Фу Ичжэнь на миг задумался, а затем спросил:

— Кроме того?

— Кроме того, на склады госпожи Ван уже хотели подбросить доказательство ее связи с варварами, а хоу будто смотрит только в ее сторону.

— Может, решил взять наложницей? — пожал плечами Пятый принц. Господин Ли взглянул на него и отобрал записку:

— Вашему Высочеству только бы шутить, — сказал он, тоном, которым cedят обычно брань. Но пусть даже голос Ли Инчуня не был дружелюбным, Фу Ичжэнь не ощущал в нем враждебности, лишь легкое недовольство от чужого простодушия. Сложив ровно записку на столе перед собой, господин Ли сказал: — Если вам так хочется, то скажу прямо — я не верю, что убитый господин Цао связан с варварами, а хоу, напротив, с его убийством не связан никак. По мне, Мин Цзе не писал никакой записки, а нужна она, чтобы подставить Третьего принца — осталось лишь выяснить, как.

— И как же это выяснять? — за объяснением на миг забывшись в наблюдении за белоснежным жетоном, который словно птица порхал меж бледных тонких пальцев, спросил Пятый принц.

— Прийти на встречу, конечно же, — ответил Ли Инчунь.

— Ты думаешь приказать Яньлинь согласиться и проследить, что произойдет?

— Нет, если я прав, она может быть в опасности, — сказал господин Ли. Фэнцзи, которая стояла подле него и слышала весь разговор, фыркнула:

— Ничего с ней не станется.

Не оборачиваясь, господин Ли бросил:

— Посмотрим, что на твое бессердечие скажет наш молодой господин.

— Наш молодой господин добросердечен и милостив, он любую дрянь защищать примется, — вздохнула в ответ Фэнцзи — и только через мгновение поняла, что сказала. Ли Инчунь все еще крутил меж пальцев белоснежный жетон, не изменившись в лице ни на мгновение, а Фу Ичжэнь поднял на служанку взгляд.

— Не пора ли тебе заняться делами? — с улыбкой сказал Пятый принц, и, пусть выглядел он по обыкновению своему дружелюбным и открытым, неожиданно холодок пробежал у Фэнцзи по спине. Скомкано поклонившись, она поспешила спрятаться во внутренних комнатах.

— Не думает, что говорит, — легко заметил Ли Инчунь. Пятый принц же, что провожал спину девушки взглядом до тех самых пор, пока она не скрылась за дверью, отозвался:

— А следовало бы.

Господин Ли задержал на его лице взгляд: когда Фу Ичжэнь злился, черты его лица становились резкими, и четче видно было, что принадлежат они за всей своей прелестью все же мужчине. Пятый принц повернул голову и глаза молодых людей встретили. Ли Инчунь сказал:

— Отправлять на встречу Яньлинь опасно, если кто-то задумал зло против нее, она не сможет дать отпор. Лучше отправить замаскированного человека, что притворился бы ею.

— Много ты знаешь девушек, что согласятся на такое? — спросил, не отводя взгляда, Фу

Ичжэнь. — Я мог бы поручить это Чжунчу Чэну или Ян Вэньяну — но из них девицы страшнее любого голодного духа, особенно теперь.

— Надо сказать, что для девицы Яньлинь довольно высокая и фигура у нее прямая, что легко скрыть за одеждами, — сказал Ли Инчунь и неожиданно взгляд его, оценивая и что-то прикидывая, словно солнечный свет неспешно огладил фигуру Пятого принца. Тот, заметив чужое внимание, изменился в лице и думал сейчас же изобразить злость и отказаться: но в следующее мгновение господин Ли игриво, словно задумал самую коварную в мире шалость, ухмыльнулся, и любое возражение в душе Фу Ичжэня само собой утихло.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1734986>